

3. *Звуковой дизайн* [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

4. *Кинус Ю. Г.* Джаз. Истоки и развитие / Ю. Г. Кинус. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 491 с.

5. *Козлов А.* Рок: истоки и развитие / А. Козлов. Москва: Мега Сервис, 1997. 110 с.

6. *Synth Music* – студия звукозаписи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://synthmusic.ru>.

УДК [728.03:721.058.2]:39(470.5)

А. А. Бобрихин

A. A. Bobrikhin

Обрядовое моделирование жилого пространства в культуре русских крестьян Урала

Ritual designing of housing space in the culture of Russian peasants of the Urals

***Аннотация.** Изложена антропологическая точка зрения на пространство традиционного русского жилища. Показано, как обрядово-ритуальные практики формируют структуру жилища и ментальную карту пространства.*

***Abstract.** The article offers an anthropological perspective on the space of the traditional Russian homes. It shows how the ceremonial and ritual practices form the structure of the house and the mental map of space.*

***Ключевые слова:** жилище, крестьянский дом, локусы пространства, обряды, ритуалы, фольклор.*

***Keywords:** dwelling, country house, space loci, rites, rituals, folklore.*

Жилой дом в архаичных обществах и культурах является моделью мира [4, с. 40], а вернее, материальным макетом ментальной модели мира. «Жилище есть специфически человеческий топос, микрокосм, структура которого изоморфна структуре космоса, т. е. разумной, логичной, сущной ипостаси реальности» [3, с. 357]. Пространственные разновидности жилища так же разнообразны, как разнообразны «национальные космосы» (Г. Д. Гачев) и этнические модели пространства. Планировочный тип жи-

лица задан не только природно-климатическими условиями, но и обрядовыми и магическими практиками, которые порой выступают на первый план при формировании облика жилой среды. Этот облик складывается из планировки и объемов жилища, состава и конфигурации локусов и обусловлен геофизическими и климатическими условиями территории, типом и наличием строительно-материальных ресурсов, уровнем научно-технологического развития, традиционным составом и численностью семьи, интегрированностью в социальное пространство поселения и в планировку улицы или поселка, художественным вкусом строителей.

Наряду с природными, материальными и социальными факторами, определяющими параметры жилого пространства, его облик задается общинными традициями рассматриваемой культуры, которые наблюдаются в ритуальном программировании поведения, обычном праве, бытовом поведении. Жилище во многих этнических культурах разделено на мужскую и женскую части, в нем должно быть место для очага и место для скота, место для хозяина и место для гостей, место для престарелых и место для молодоженов, место для богов и место для младенцев. Жилище существует в пространстве бинарных оппозиций: «низ-верх», «левое-правое», «мужское-женское», «светлое-темное», «профанное-сакральное» и т. д. [2, с. 5–6].

В жилом пространстве русского жилища поведение члена общины весьма регламентировано, что мы наблюдаем как в повседневности, так и в обрядовых ситуациях, а также при исключительных событиях — родах, свадьбе, похоронах, при посещении гостей. Рассмотрим области применения инструментов нормирования пространственного поведения.

Прежде всего, пространственное поведение человека регламентируется с учетом возрастных характеристик. Особое значение придается месту человека за столом или у стола, маркируются места и регламентируется кинесика поведения *большака* и *большухи* во время повседневной трапезы или торжественного события (например, приема гостей), а также на смотринах и просватанье. Наиболее почетное место за столом принадлежит «набольшему» мужчине семьи, определяется его распорядительная роль в порядке приема пищи (например, только ему позволено разрезать и распределять хлеб). Старшие следят за порядком приема пищи, «большак» разрешает прием пищи и перемену блюд, а также наказывает за нарушение порядка и ненадлежащее поведение.

Если в доме проживают несколько взрослых женщин, принимается порядок их домоводства и распределения обязанностей по дому, т. е. последовательность распределения ответственности в домашнем хозяйстве (готовка, рукоделие и т. д.).

Особенно в семье следили за тем, чтобы дети «знали свое место». Они должны были удаляться подальше — на полати, а то и вовсе из избы в случаях, когда в дом приходили гости, странники или славельщики. Им категорически запрещалось находиться за столом, когда взрослые угощают гостей.

Другая область пространственного регламентирования поведения в жилом доме — гендерная сегрегация. Русская изба гендерно поляризована по диагонали, которая образует два противоположных угла, называвшиеся на Урале «передний», «красный» — мужской и «куть», «середи», «запечек» — женский. Лавка, располагавшаяся в переднем углу, называлась «мужской». Вход мужчин на женскую половину осуждался, а гости туда вообще не допускались. Свадьба — тот исключительный случай, когда невеста могла сидеть в переднем углу, под божницей, так как она в этот период обладала особым «переходным» статусом. Ей следовало вести себя незаметно, сидеть молчаливо и недвижно.

Еще одна область регламентирования пространственного поведения в жилом помещении — событийная. Во время родов, свадьбы и похорон ограничивался состав присутствующих в доме или же им предписывалось особое поведение. Так, например, родня со стороны невесты должна была вести себя сдержанно, не разгульно до «первой ночи» молодых, при родах дом покидали все мужчины и дети. В день похорон родные покойного не принимали активного участия в обрядовых действиях.

В ходе разного рода событий, выходящих за рамки привычного положения дел, нарушался повседневный порядок и поведение людей. К примеру, на свадьбу стол покрывали всеми скатертями из приданого, которых насчитывалось до пятнадцати. Во время похоронного обряда, когда на том же столе обмывали покойника, со стола убирали все скатерти. В крестьянской жизни нередкими были такие события, как приход в дом посторонних — странников, ряженных или колядовщиков. Символически они воспринимались как представители внешнего, порой чуждого и потустороннего, мира. Незнакомых гостей и странников внутрь дома не пускали, усаживали у порога на лавку для гостей, ряженных не пропускали за матицу, а колядовщиков, наоборот, провожали на середину дома.

В похоронном обряде после отпевания и выноса покойника необходимо было произвести ряд ритуальных действий, направленных на возведение непреодолимых границ между миром мертвых и миром живых. В частности, три раза громко хлопали дверью, выпроваживая дух покойного. Воду, использованную при обмывании, выливали снаружи дома, под передний угол. После уборки из избы не выносили мусор. А вернувшись с кладбища, каждый родственник покойного должен был заглянуть в устье печи.

Некруту (так называли на Урале призывника) нужно было гарантировать свое возвращение из армии, с войны. Он прощался с домовым в подполе, прибывал к матице монету или другую символически значимую свою вещь. Для того чтобы не прерывалась связь с домом (а связь символически воспринималась как визуальный контакт, взгляд), призывник выходил из дома *взадпятки*, т. е. спиной вперед, а уходя из деревни, не оборачивался на дом.

Пространственное поведение человека в доме во многом определялось близостью или контактом с символически отмеченными вещами и локусами: божницей и предметами на ней (иконы, рушники, венчальные свечи, четверговая соль, яйца, вербные ветки и пр.), печью и печным инвентарем, подполом и чердаком, порогом и столом, матицей и печным столбом. Порой пространственное поведение регламентировалось даже направлением половиц: *«Перву ночь в новом доме надо поперек досок пола ложиться, а если вдоль ляжешь — умрет кто-нибудь, хозяин ли, старшая ли голова в доме»*.

Наиболее ритуально значимые части жилища являются символическими границами, через которые осуществляется связь с внешним миром и сакральными сущностями, вследствие чего дверь, порог, наличники, печь воспринимаются наделенными особой силой. На порог нельзя садиться: «он отнимет силу», после этого парень долго не женится. Нужно придерживаться известных правил при пересечении порога. В разных случаях это крестное знамение, обнажение головы, наступание на порог или переступание через него, заговор или движение «взадпятки». На пороге лечили и проводили профилактику болезней спины, а в Великий четверг маленьких детей на пороге хлестали вербой, чтобы они не болели. Скоба двери — магический предмет, с помощью которого можно снимать сглаз, защищать от «уроков». Над дверью прибывали подкову, в бровку двери вставляли целительные и охранительные травы, крестили бровку водой, углем или мелом. Снаружи наличники окон (а в более древней архитектуре ставни) украшались росписью и резьбой.

Некоторые элементы в доме украшали росписью: двери в голбец, простенки, потолок. Другие значимые части дома украшали и одновременно выделяли (или отграничивали) полотенцами. «Боженьку» украшали вышитыми рушниками, к праздникам – ветками пихты или вербы, пасхальными яйцами, венком невесты. Все эти предметы вбирали в себя магическую силу, сконцентрированную в красном углу, святом пространстве у икон, и использовались во многих обрядово-охранительных действиях в крестьянском доме.

Центральное место в пространстве избы занимала печь – и в бытовом смысле, и в планировочном. Печь являлась «сердцем» дома и сакральным центром пространства. Человек должен был «попроситься» с печью, уходя из дома на заработки, в армию или на войну, печи нужно было сказать, чтобы дождалась, заглянуть внутрь, отодвинув заслонку. Заглянуть в печь положено было и в том случае, если отправляешься в дорогу. После похорон родственникам нужно было посмотреть в печь, чтобы не тосковать об умершем, не бояться, что он вернется за живыми. Трудно сказать, какая функция в пользовании печью доминировала: в печи готовили пищу, пекли хлеб, но к хлебу русские всегда относились как к святыне. «В обрядах, связанных с печью, переплелись два культа – культ домашнего очага или предков и культ огня» [1, с. 316]. В печи мыли новорожденного в течение первых месяцев жизни, лечили маленьких детей от сглаза, «уроков», «призоров» и «собачьей старости», на печи спали, у печного бруса лечили спину.

В русской народной культуре печь является медиатором между разными мирами – миром богов, предков, духов и земным миром людей. Большинство ритуалов и обрядов, связанных с печью, символизируют ее как особое пространственное образование – канал коммуникации с потусторонними силами.

Но все же основными объектами символического пространства жилища являются матица и стол, которые обладают очень богатой символикой и в различных ситуациях выступают сакральным центром жилища. Стол символически уподобляется в народном сознании церковному престолу, а матица – опоре небесного верха. Оба объекта соотносятся с идеей пути: матицу уподобляют небесному млечному пути, а стол отправляет в путь жильцов дома и принимает путников, выступает границей между «своим» и «чужим» миром.

К матице крепят кольцо или пружину для подвешивания колыбельки – первой кровати нового жильца. Под матицей зачинается новая се-

мья – происходит просватанье, родители иконой благословляют молодых. К матице некрут прибывает свою вещь, чтобы невредимым вернуться из армии. К матице обращаются, загадывая себе жениха: «*Ложусь на пятни-су, гляжу на матнису*» (присказка, которую говорят девушки в четверг вечером, желая увидеть милого во сне).

Стол был центром семейной жизни: за ним встречалась семья по вечерам, происходили хозяйственные переговоры, сговаривались на сватовство. У стола молились члены семьи по утрам и перед отходом ко сну. У стола зарождалась новая семья (во время свадебного торжества) и навсегда прощались с родными при отпевании. Стол нормировал многие правила поведения, на него запрещалось класть некоторые предметы (ключи, деньги, гребень). За столом и у стола нельзя было громко разговаривать, кричать, смеяться, шуметь, а того, кто нарушал эти правила, могли наказать – ударить ложкой по лбу. Также считалось, что во время семейной трапезы за спиной каждого сидящего у стола стоит ангел.

Рассмотрев основные локусы и предметно-пространственные комплексы жилища русского крестьянина (в основном на уральском материале), можно сделать вывод, что, будучи по сути и происхождению материальным объектом, жилой дом является центром духовной жизни семьи, пространством осуществления ее функций, а также, что наиболее существенно, достаточно стройной образно-символической системой, являющейся визуальной, вещественной и акциональной программой поведения в общине, материальным носителем большого количества культурных норм и ценностей.

Список литературы

1. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин; пер. с нем. К. Д. Цивиной; прим. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович, К. В. Чистова. Москва: Наука, 1991. 511 с.

2. *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. Москва: УРСС, 2005. 280 с.

3. *Шипилов А. В.* Русская бытовая культура: пища, одежда, жилище (с древнейших времен до XVIII века): монография / А. В. Шипилов. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2007. 567 с.

4. *Элиаде М.* Священное и мирское / М. Элиаде; пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Грабовского. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 144 с.